

Ростислав Александров

Кафе Фанкони

Уроженец Швейцарии Я. Фанкони, понаторевший в кондитерском мастерстве за шестнадцать лет обучения в Варшаве, открыл свое кафе 1 ноября 1872 года в одноэтажном домике под черепицей на углу Екатерининской и Ланжероновской улиц. Со временем разросшееся «заведение» прихватило еще часть помещений соседнего по Екатерининской улице дома, а с 1913 года помещалось в только что выстроенном на этом месте по проекту архитектора Ю. Дмитренко четырехэтажном здании, в котором потом много лет располагалось агентство Аэрофлота.

К тому времени Я. Фанкони и поступивший к нему компаньон его брат Д. Фанкони уже умерли, а кафе отошло к их родственнику Ф. Скведеру.

Новый владелец предприимчиво сохранил прежнее название, так как кафе Фанкони преотлично зарекомендовало себя. Известность его была настолько широкой, что оно попало даже в одно из произведений одесского городского фольклора – песенку о некоем маркёре, «о чей хребет сломали кий в кафе Фанкони». К услугам посетителей тут были несколько залов, летняя веранда, бильярдная, так называемый дамский салон, предлагали русские и иностранные газеты и журналы.

«Это кафе, где пьют кофе, едят мороженое и заключают сделки», – пояснил Шолом-Алейхем в романе «Менахем-Мендл». Расположенное в центре города, в гуще коммерческой жизни кафе превратили в свою «штаб-квартиру» биржевые игроки мелкого пошиба, маклеры, «бурженники и лапетутники, – как не без юмора отметил А.И. Куприн в рассказе «Белая акация», – две загадочные профессии, известные только в Одессе». Но потом казавший-

ся вечным цикл «чашка кофе – купля – легкий скандал – порция мороженого – мелкий обман – продажа – чашка кофе и все сначала» нарушили, а саму жизнь кафе подчинили себе грянувшие события.

В марте 1917 года, как будет вспоминать Л. Утесов в книге «С песней по жизни», «в одном из наиболее популярных тогда кафе, «Робина» (автора подвела память: описываемое происходило в кафе Фанкони. – Р. А.) был устроен... «оригинальный» аукцион, на котором я продавал оковы Котовского, как бы символ старого мира, для сбора денег на подарки солдатам Временного правительства». Одесситка, купившая ручные кандалы в кафе Фанкони, в 1925 году, когда хоронили Котовского, испросила разрешения возложить их на гроб комбрига.

Незадолго до Январского восстания, к концу 1917 года, когда барометр политических событий уже устойчиво показывал бурю, кафе Фанкони затихло. К этому времени относится описание кафе в романе Валентина Катаева «Зимний ветер»: «Петя толкнул вращающуюся дверь и... очутился в знаменитом кафе. Петя был разочарован. Вместо шика и блеска он увидел почти пустой,

запущенный зал с диванчиками, столиками и дубовыми панелями, до бесконечности умноженными большими стенными зеркалами...».

В период австро-немецкой оккупации в 1918 году «город... угрюмо затаился и погас, – рассказывал П. Северов в повести «Сергей Линде», – только в кафе Фанкони, где гуляли немецкие офицеры, гремела музыка и горели огни. В кафе было весело, как в праздник на кладбище».

Последовавшая за австро-немецкой оккупацией французская интервенция подорвала надежды завсегдатаев кафе. Наблюдавший все это А. Толстой позже отметит в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус», что «в городе и у Фанкони торговали одними только накладными... На лицах у дельцов было одно и то же выражение – смесь окончательного недоверия ко всякому жизненному явлению, будь то французский броненосец или накладная на вагон волоцких орехов».

Во время деникинщины, по свидетельству К. Паустовского, при котором отзвучали последние аккорды гражданской войны в Одессе, «одесские мелкие биржевые игроки и спекулянты, так

называемые лапетутники, стушевались перед нашествием наглых и жестоких спекулянтов, бежавших, как они сами злобно говорили, из Совдепии. «Лапетутники только горько вздыхали, – кончилась патриархальная жизнь, когда у Фанкони целый месяц переходила из рук в руки... одна и та же затертая железнодорожная накладная на вагон лимонной кислоты в Архангельске», – писал он в повести «Начало неведомого века».

А вскоре кончилось и само кафе: в феврале 1920 года здесь открыли «Клуб военморов имени Шмидта», что и имел в виду В. Нарбут, когда в стихотворении «7 февраля 1920 года» писал о том, как «широким военморам у Фанкони артелью раздувают самовар». Вслед за этим в помещении кафе был «культурный клуб моряков», а потом ресторан, именовавшийся по старинке «Кафе Фанкони».

После ресторана тут располагалась столовая, под стенами которой мельтешили «пикейные жилеты», благодаря Илье Ильфу и Евгению Петрову давно ставшие фигурами совершенно

нарицательными: «Это были странные и смешные в наше время люди. Почти все они были в белых пикейных жилетах и в соломенных шляпах канотье... Здесь... у столовой № 68, где раньше помещалось прославленное кафе «Флорида» (читай Фанкони. – Р. А.), собирались обломки дореволюционного коммерческого Черноморска: маклера, оставшиеся без своих контор, комиссионеры, увядшие по случаю отсутствия комиссий, хлебные агенты, выжившие из ума бухгалтера и другая шушера. Когда-то они собирались здесь для совершения сделок... Все, что бы ни происходило на свете, старики рассматривали как прелюдию к объявлению Черноморска вольным городом. Когда-то, лет сто назад, Черноморск был действительно вольным городом, и это было так весело и доходно, что легенда о «порто-франко» до сих пор еще бросала золотой блеск на светлый угол у кафе «Флорида».

Нужно сказать, что большинство фактов, деталей, ситуаций, обстоятельств и терминов в романах Ильфа и Петрова отнюдь

не являются плодами авторского воображения. Это – самые что ни на есть реалии времени и места действия, в данном случае – Одессы. И идея «пикейных жилетов» о возрождении порто-франко имела под собой документальную основу, перенесенную соавторами из начала в конец 1920-х годов. Тогда в Одессе распространились слухи о якобы предстоящем возобновлении порто-франко, столь вожаделенного для одесситов. Слухи эти были настолько упорными, что их пришлось официально опровергнуть. «Во избежание неправильного толкования происходящих в настоящее время суждений в межведомственном совещании комиссии НКПС по вопросу расширения одесского порта, повлекших за собой появление в некоторых газетах статей об устройстве в порту вольной гавани, – сообщили одесские «Известия» летом 1921 года, – отдел портов... считает необходимым в опровержение указанных сообщений поставить в известность о состоявшемся по сему вопросу постановлении совещания: признать, что в настоящее время нет оснований к устройству

в одесском порту временной вольной гавани». Так, к сожалению, лопнула мечта «пикейных жилетов», нежно взлелеянная ими под стенами кафе Фанкони, превратившегося в заурядную нарпитовскую столовую...

Столовую опять сменил ресторан, который в обиходе продолжали именовать по-старому. «Нашей небольшой группе литературных юнцов было... по душе «Фанкони», где можно было занять отдельную «кабину» и где метрдотель относился к нашим еженедельным встречам подчеркнуто благосклонно. Мы, в большинстве своем студенты одесских рабфаков и вузов... просиживали до часу ночи каждое воскресенье, читая вслух рифмованную продукцию, произведенную за неделю», – писал поэт, в ту пору студент сельскохозяйственного института, Савва Головановский в воспоминаниях о Бабеле «Знаменитый одессит».

Встречи молодых литераторов в кафе Фанкони можно в некоторой степени считать продолжением традиции: и в старом кафе бывали местные и приезжие литераторы. «Здесь сияли светлые

глаза Бунина», – отметили в фельетоне «Одесса» братья Тур. По словам В. Каменского, он с В. Маяковским и Д. Бурлюком заходил сюда в 1914 году. Посещали популярное кафе и люди театра, что подтверждает в книге «Былое перед глазами» актер, впоследствии театральный деятель И. Нежный: «Было в Одессе кафе «Фанкони», где собирались актеры, антрепренеры, администраторы, владельцы театральных предприятий... Закушняк (известный эстрадный артист, мастер художественного чтения. – Р. А.) любил сидеть в окружении этого шумного, веселого, беспокойного люда». Заглядывал «к Фанкони» и тяготевший к актерам и литераторам С. Уточкин, которого запомнил старейшина советской эстрады, конферансье А. Алексеев. «На веранде кафе Фанкони, расположенного на углу Екатерининской и Ланжероновской улиц, царит воскресное оживление, – писал он в книге воспоминаний «Серьезное и смешное», – за столиками, крытыми белоснежными скатертями, завтракают актеры одесских театров, музыканты, маклеры... За одним из столиков сидит погруженный в раздумья Сергей Исаевич...»

Кафе Фанкони было одной из тех черточек, которые создавали своеобразие старой Одессы, и, безусловно, достойно памяти или... возрождения.

Иллюстрации из книги «Одесса в почтовых открытках»
А. Дроздовского и Е. Красновой

